

Смерть немецким оккупантам!

СНАЙПЕРЫ

**ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
1943**

Савва Головановский

ПРЕЗРЕНИЕ

У себя в Донбассе сержант Николай Краткий часто думал про войну. Он понимал, что драться надо насмерть, но знал, что воин должен быть великодушен, честолюбив и, конечно, благороден. «Солдат лежачего не бьёт, с бабами не воюет, а детям сахар даёт. От его меча падает только тот, кто на него восстаёт с мечом», — таковы были его рассуждения.

Так и пришёл он на настоящую войну с этим, хотя и благородным, но по теперешним временам наивным представлением.

Убегавшие из плена много рассказывали о зверствах немецких солдат, о насилии и произволе. Но все это не укладывалось в его голове. Он не

хотел допускать мысли, что человек, взявший в руки винтовку, называющий себя солдатом, может стать громилой, убийцей, зверем.

Потом, когда он стал наступать, перед его взором прошли ужасы и кошмары, которых он себе раньше никогда не представлял. Он вдруг стал угрюм и неразговорчив. То, что он видел собственными глазами, перевернуло всю его душу. Он понял своё заблуждение и расстался с иллюзией. Он стал ожесточённее и яростнее. Он был глубоко оскорблён и не мог и не хотел прощать этого оскорбления!

Разочарование произвело в нём серьёзные перемены. Крушение выдуманного им самим «рыцарства врага» сделало его другим человеком. Но это не сделало его ещё тем человеком, которого мы знаем теперь. Как часто бывает в таких случаях, решительный переворот наступил по странному и, казалось, незначительному поводу.

Однажды в разрушенном прифронтовом селе Краткий увидел бездомную пятилетнюю девочку, беспомощно метавшуюся на бугре под градом немецких пуль. Немцы не могли её не видеть: она находилась на самой вершине высоты. Они били только по ней, и казалось странным — какое же чудо спасает девочку? Ведь пули ложились вплотную. Вокруг подымались песчаные фонтанчики, бурлили у самых её ног, и по ним можно было судить, что огонь меток, густ и беспощаден. Почему же девочка оставалась цела? Неужели

немцы не могли в неё попасть с такого небольшого расстояния?!

И, проследив ещё несколько минут, Краткий убедился в том, что немцы и не старались попасть в девочку. Наоборот — они засыпали пулями всё вокруг, и им доставляло удовольствие видеть, как мечется это худенькое существо, не находя выхода из огненного кольца. Это было хладнокровной игрой кота с беззащитным мышонком, изуверством, которое так потрясло Николая Краткого, что он онемел от негодования.

Он пополз под огнём, взял девочку на руки и вынес к своим. Настоящим чудом было и то, что его в этот момент также ни одна вражеская пуля не задела. Но это его не удивило. Как заколдованный справедливостью и ограждённый своим солдатским благородством, шёл он напрямик, зная твёрдо, что иначе и быть не могло, что разбойничья пуля не страшна человеку, у которого бьётся в груди честное сердце.

До этого он видел уже много горя и детских слёз, и к его давно утвердившейся ненависти этот случай прибавить, пожалуй, ничего не мог. Но он родил в нём такое презрение, такое отвращение к немцам, что ему стало неловко за былое наивное представление о них, как о солдатах. Нет, поистине это были не солдаты!

С этого дня он понял, что имеет дело не с людьми, а с червями, которых нужно не убивать, а душить, не стрелять, а растаптывать сапогом. Они стали ему тошнотворны и теперь уже

не раздражали, а оскорбляли зрение, когда приходилось с ними сталкиваться.

Краткий никогда не был труслив. Но теперь он уже просто не замечал опасности. Он шёл на немца с таким хладнокровием, будто не стрелять будут по нему, а лаять. О немце он больше ничего не хотел слышать: он хотел его душить.

Однажды во время боя Краткий заметил вражеский пулемёт, который сильно мешал продвижению наших подразделений. Можно было вызвать огонь артиллерии или открыть винтовочную стрельбу по вражеским пулемётчикам. Но, верный своему презрению, Краткий этого не сделал.

— За ноги оттащу! — сказал он своему другу бойцу Квитчастому и пошёл.

Пошёл. Именно — пошёл. Во весь рост. Презирая и не считая нужным укрываться.

Краткий двигался сбоку, во фланг пулемётчикам. Те, занятые своим делом, его не замечали. Боясь, как бы немцы не заметили Краткого, Квитчастый стал по ним стрелять из автомата, тоже почти не маскируясь: он хотел приковать к себе глаза немецких пулемётчиков.

Краткий подошёл к немцам вплотную и остановился, как бы выбирая форму нападения. Он мог просто в упор расстрелять всех троих, расстрелять сзади, так, чтобы они не успели даже обернуться. Теперь он уже не считал нападение сзади позорным для солдата. Он уже знал, что главное — уничтожать этих четвероногих, а как

и чем — это безразлично. Но он считал унижительной всякую предосторожность по отношению к существам, которых презирал. Нет, пусть они видят, пусть дрожат, а он будет их душить! Он бросил гранату не в них, а через них с таким расчётом, чтоб она их не задела. И когда они, испуганные насмерть, отпрянули от пулемёта, Краткий ударил одного прикладом по голове. Когда тот упал, Краткий схватил обезумевших от неожиданного нападения двух немцев, заставил их ползти вперёд, в плен.

Через несколько дней Краткий рассердил командира своим бесшабашным поведением. Дело было во время боя, когда в числе своих пятнадцати товарищей он наступал на опушку леса. Хотя против них были мадьяры, однако дрались они ожесточённо. Пришлось сильно нажать, прежде чем удалось продвинуться к опушке. Когда это произошло, мадьяры всполошились. Краткий ещё раньше следил за одной группой, которая особенно яростно огрызалась. Её очередями было ранено несколько наших бойцов, и это сильно обозлило Краткого.

У опушки лежали мадьярские снаряды. Когда он прорвался вперёд, то прежде всего схватил какой-то длинный снаряд и, размахивая им, как оглоблей, направился прямо на обозлившую его группу.

Теперь он уже совсем был похож на медведя, и мешковатая его походка была страшна. Когда он приблизился, мадьяры завопили: «Не стре-

ляй», но тут же Краткий заметил, что оружия они не бросили, а один из них пытается даже вытащить пистолет.

— И не буду стрелять! — крикнул Краткий. — Бить буду! — И он начал громить их этим неуклюжим снарядом, проламывая черепа мадьяр.

После этого командир напустился на Краткого. Ведь не мог же он так счастливо отделяться без конца!

— Точка. Хватит тебе гулять. Не первобытный ты человек, чтобы воевать с оглоблей в лапах! — сердился командир на приумолкнувшего сержанта. — Чтобы немца бить — винтовка имеется.

— Так ведь из винтовки и промахнуться можно, а рука это дело верное, — оправдывался он. — Рукой если дашь, то уж наверняка по крайней мере.

— Ничего, получишь такую винтовку, из которой не промахнёшься, — снайперскую.

Обещание командира льстило бойцу. Стать снайпером — это его могло устроить. Он много слышал о снайперах, и его всегда удивляло количество убитых ими немцев. Неприятным было для него только то, что против паршивого фрица выдумывались ещё какие-то приспособления в то время, когда, по его твёрдому убеждению, фрица надо было просто душить. Единственным утешением было то, что рук не придется марать и бегать не нужно будет за каждым немцем в отдельности.

— Ладно уж... — улыбнулся он. — Может, хоть

обувку сберегу, а то ведь за каждым фрицем километр пройди — на сапоги нагрузка непомерная.

Он стал изучать снайперское искусство.

— Если уж немца не душить, то надо его хоть бить как следует: чтоб много его было битого, — рассуждал он. Как когда-то, получив впервые отбойный молоток, так теперь, став обладателем оптического прицела, он был горд и сосредоточен. Скоро он понял преимущество снайперской стрельбы, и ему стало даже неловко за то, как низка была его «производительность труда», когда он воевал руками, в сравнении с той, какой он мог добиться теперь, целясь в это всевидящее стёклышко.

Теперь он был всегда занят: за винтовкой надо было ухаживать. Как кавалерист коня, так чистил он, холил и не разлучался со своей «снайперкой».

— Будут они у меня подыхать, как мухи от голодухи: бац и нет одного, бац и нет другого! — говорил он многозначительно, и бойцы знали, что будет именно так.

И он начал считать истреблённых фрицев. Раньше ему было совершенно безразлично, сколько их осталось позади. Теперь количество было единственным мерилем его воинского искусства, и он уже не мог спокойно прожить дня без того, чтобы хоть одного не прибавить к своему списку.

— Если я его, каина, не стукну сегодня, поверьте — тошно мне. Вроде как мёду я с мухами объелся!

Убивать немца стало его потребностью. Он начал тратить дни на то, чтобы выбрать себе удобную позицию, вырыть ложный окопчик, обдумать наперёд каждый свой шаг. Он готовил немцу погибель сосредоточенно, обдуманно, заранее. Он стал хитёр, как охотник, ибо новая его профессия была действительно охотой; он стал заботиться о том, чтобы уложить немца одной пулей и обязательно в голову — будто ему было жалко лишней раз продырявить его шкуру.

— Да ведь не на пушнину его сдавать! — говорили ему. — Можно и еще дырочку сделать. Приёмщик сам господь: не забракует!

— Нет, братцы. Снайпер — это если что увидел, — того и нет, и сколько увидел — столько нет, и где увидел — там нет.

За короткий срок набил он их 119 штук.

* * *

На слёте снайперов выступали бойцы, рассказывали о своих подвигах. Одни обещали удвоить, другие — утроить свой боевой счёт.

Краткого арифметика не интересовала.

— Количество назвать не могу, — сказал он, — поскольку оно зависит от того, много ли раз передо мной появится немец. Одно скажу: сколько увидит мой глаз, столько и уничтожу.

В этих словах была вся его ненависть и всё его презрение, — презрение решительного и убеждённого человека, единственным призванием которого стало — уничтожение врага.

И. Курчавов

НЕУТОМИМЫЙ ОХОТНИК

Шёл нескончаемый холодный осенний дождь. На берегу широкой и быстрой реки никого не было. Только один боец пробирался вдоль невысокого кустарника. Он осматривался и словно что-то разыскивал. Вот он выбрал удобный бугорок, лёг прямо в липкую грязь, достал лопату и начал быстро зарываться в землю. Шинель бойца намокла и тяжёлым грузом легла на плечи. В узкий окоп ручьями стекала вода.

В воздухе послышался тонкий вибрирующий свист, и мины одна за другой, вспахивая крутой берег реки, стали ложиться недалеко от бойца. Земля тряслась, огромные глыбы сползали с берега и растворялись в мутной воде. За минами пошли снаряды. Вражеская батарея била по лесной опушке, откуда накануне вело огонь наше кочующее орудие. Лес редел. Раздробленные деревья беспорядочно, диким костром, завалили берег.

Но боец всё не уходил. Пули, врывающиеся десятками в бруствер окопчика, казалось, ничуть не беспокоили его. Сосредоточенный взгляд бойца был устремлён за реку. Из-за поворота шоссе, ломая мелкий придорожный кустарник, показалась грузовая машина и внезапно остановилась. Два немца стремглав понеслись за водой.

Тут боец, лежавший на другом берегу, достал свою винтовку, которая была тщательно завернута в плащ-палатку. Зубы его крепко стиснулись.

— За Ленинград! — шепнул он сам себе, нажимая на спусковой крючок.

Прозвучал выстрел. Немец, бежавший впереди, запрокинул голову и упал. Второй, пригнувшись к земле, пополз и уже скрылся было в траншее, но его голова вновь показалась на какую-то долю секунды, и тогда прозвучал второй выстрел. Немец грохнулся навзничь.

Боец вытер крупный пот, выступивший на лице, тяжело перевёл дыхание.

Сзади негромко окликнули его. Это был командир.

— Молодец, товарищ Пчелинцев, поздравляю! — он крепко стиснул бойцу руку.

Всего семь дней назад пришёл в батальон студент третьего курса Ленинградского горного института двадцатилетний доброволец Владимир Пчелинцев, и вот командир батальона уже поздравляет его.

Пчелинцев отчеканил:

— Служу Советскому Союзу!

— Волновался, небось? — спросил комбат.

— Ещё как! — и со вздохом облегчения Пчелинцев улыбнулся.

Командир батальона расстегнул свою полевую сумку.

— Жена коробку шоколадных конфет прислала, премирую вас за хорошую стрельбу, — тоном, не допускающим возражения, сказал он.

Пчелинцев посмотрел на командира растерянным взглядом и начал было отказываться: он знал, как дорог комбату этот подарок, присланный за тысячи километров. Но командир настоял на своём.

* * *

Шли дни. Пчелинцев стал сержантом.

В свирепый мороз и в злую пургу, днём и ночью выслеживал он ненавистных врагов. Однажды пришёл на берег реки раньше обычного. Накануне он заметил, как на той стороне быстро промелькнула какая-то фигура и растаяла в темноте. Теперь он наблюдал, не отрываясь. Ему показалось, что один из давно знакомых кустов можжевельника как будто выдвинулся вперёд.

Прошел час, другой, третий... Смеркалось. Наблюдать стало труднее. Пчелинцев начал уже ругать себя, что без толку провёл целый день.

Вдруг послышался лёгкий треск сучьев, и куст можжевельника качнулся. Потом стал медленно удаляться.

Сухой, отрывистый выстрел. Куст опрокинулся и замер. Но Пчелинцев уже знал повадки фашистов: «А вдруг фриц притворяется?» — и продолжал наблюдать за кустом. Немец не поднимался. Вскоре появился другой. Наткнувшись на убитого, он быстро повернул обратно и скрылся.

Пчелинцева это не огорчило: он знал, что за убитым придут. И верно, вскоре появились два немца и начали осторожно подбираться к своему приятелю. Тут прогремели два выстрела.

— Есть ещё три на счету, — проговорил Пчелинцев, вынул из кармана маленькую записную книжку, старательно помусолил химический карандаш и жирно вывел — 106.

106 фашистских солдат и офицеров сразил Пчелинцев!

В другой раз он обнаружил фашистского офицера. Тот осторожно пробирался к переднему краю, прячась в редких кустах, но его выдали очки: они отбрасывали в кусты резвого солнечного «зайчика». Пчелинцев вспомнил свои детские забавы, и ему захотелось поозорничать. Первая пуля просвистела над головой офицера. Немец опрометью бросился к траншее. Но вторая пуля сразила его. После этого немцы трое суток боялись подходить к убитому. Так он и валялся под дождём у траншеи.

Наступила зима. Пчелинцев досконально изучил местность и теперь внимательно следил за всеми изменениями на ней. Заметил как-то, что на чистом снежном бугорке вдруг появилось и сразу же исчезло маленькое чёрное пятнышко. Стал наблюдать за ним. Пятнышко появлялось периодически. Артиллеристы, которым Пчелинцев сообщил об этом, открыли огонь. Когда ударили снаряды, в воздух взлетели обломки пулемётов и толстых брёвен. Оказалось, что это был тщательно замаскированный немецкий дзот, а чёрное пятно — амбразура, прикрытая марлевой занавеской, которую временами откидывали.

В другой раз перед ним была снежная ровная поляна. Снег так сверкал под солнцем, что почти невозможно было смотреть. Пчелинцеву почудилось лёгкое движение, словно кто-то встряхивал тонкую белую материю. Погода стояла тихая, безветренная. Он выстрелил почти наобум. Видит: упал немец, маскхалат его распахнулся, а тёмная шинель резко выделялась на снегу. Оказывается, фашисты вздумали очищать свои траншеи от снега.

Пчелинцев стал неутомимым охотником за немчурой и неутомимым агитатором снайперского мастерства. Всякий разговор с бойцами он сводил к одному:

— Ты хорошо жил до войны, счастье твоё нарушили немцы — истребляй их! Твои родные из-

ывают под фашистским сапогом — бей немцев без промаха! Ранили, убили друга, товарища — отомсти за него, лей беспощадно немецкую кровь!

После одного из таких разговоров к Пчелинцеву подошёл красноармеец Васильев и, переминаясь с ноги на ногу, нерешительно сказал:

— Разрешите, товарищ сержант, по личному делу.

— Слушаю...

— Возьмите меня на охоту!

— Винтовку хорошо знаете?

— Стрелял.

— Сегодня будьте готовы. Но это не личное дело, товарищ Васильев. В нашей стране теперь самое высокое и почётное дело — истреблять немецких оккупантов. Ясно?

— Понятно, товарищ сержант.

Вечером они шли по глубокой траншее.

— Наблюдаешь? — спросил Пчелинцев.

— Смотрю, но пока ничего не вижу.

— А ну-ка, обрати внимание на этот кустик... — видишь? У разбитой бани?

— Вижу.

— Что видишь?

— Ползёт кто-то быстро-быстро к траншее!

Пчелинцев стал снимать винтовку с плеча, но Васильев остановил его.

— Разрешите хлопнуть!

— Попробуй!

Васильев выстрелил. В тот же миг совсем рядом просвистела ответная пуля.

Васильев заметил, что немец вскочил и побежал прочь, стрелять он даже не пытался. Откуда же этот ответный удар?

— Разобрался? — спросил Пчелинцев.

— Не успел.

— Самая обыкновенная история. В то время, как ты стрелял, немецкий снайпер заметил тебя и выстрелил. Твое счастье, что фриц промахнулся. Давай подумаем, как снять его. Слушай внимательно. Я располагаюсь в блиндаже, наблюдаю. Ты отходишь в сторону метров на десять, поднимаешь на палке каску и в этот же момент стреляешь. Немец тоже стреляет и обнаруживает себя, а ты повторяешь всё сначала...

Пчелинцев не ошибся в расчете. Когда каска показалась над бруствером траншеи, немец выстрелил; пуля ударила по каске и с пронзительным свистом отлетела в сторону. Теперь стало ясно, что фашист стрелял из маленького окошечка бани. Это был его последний выстрел: пуля Пчелинцева размозжила немцу голову.

Шли обратно. Васильев с огорчением говорил:

— Нет, не гожусь я для такого дела. Мне учиться надо.

Пчелинцев хлопнул Васильева по плечу:

— Это хорошая мысль! Вот бы нам организовать у себя снайперскую школу!..

Пчелинцев не любил откладывать задуманное. На другой же день он переговорил с команди-

ром, и вскоре снайперская школа была создана. Васильев оказался одним из способнейших учеников Пчелинцева.

* * *

Седьмого июня 1942 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, состоялся второй антифашистский митинг молодежи. Председательствующий — Герой Советского Союза Евгений Фёдоров — предоставил первое слово снайперу Ленинградского фронта лейтенанту Владимиру Пчелинцеву.

Бурные аплодисменты покрыли слова председателя. Зал горячо приветствовал одного из тех, кто своим беспримерным мужеством, стойкостью и отвагой преградил дорогу врагу на Ленинград.

— В любой мороз и в жару, днём и ночью наши снайперы неутомимо выслеживают врага и бьют его без промаха, — говорил Пчелинцев. — Есть целые подразделения, в которых все бойцы имеют свои личные счета. Пусть каждый молодой советский воин откроет такой же счёт. Чем больше врагов уничтожишь, тем ближе наша победа. Надо только настойчиво и упорно выполнять приказ товарища Сталина — в совершенстве владеть винтовкой. Это — грозное и надёжное оружие в руках умелого воина.

Пчелинцев по обыкновению умолчал о себе. Он не рассказал о том, что просидел многие сотни часов на переднем крае, часто под ураганным огнём врага, что истребил 152 немца, в том

числе 14 фашистских снайперов, что подготовленные им шестьдесят отличных стрелков уничтожили каждый по несколько десятков немецких захватчиков.

На защитного цвета гимнастёрке ярко горела маленькая золотая звезда, и это было убедительнее всяких рассказов. И когда Герой Советского Союза Владимир Николаевич Пчелинцев закончил свою речь, своды Колонного зала вновь потрясла буря аплодисментов.

Н. Харин

НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ ИЗ БОЕВОЙ ЖИЗНИ ЧЕГОДАЕВА

Скоро бой.

Красноармеец Фёдор Чегодаев лежал на снегу, пристально зглядывался в темноту ночи и старался припомнить, из слова в слово, последнее письмо сына. Вот, кажется, удалось: «Папа, — писал Павлик, — мы с мамой здоровы. Я по-прежнему хожу в школу, а в свободное от уроков время помогаю ей по хозяйству. Живём хорошо. Недавно отелилась корова, и теперь у нас много молока... Папа, мы очень о тебе соскучились. Убей всех фашистов скорее и возвращайся домой».

— Будет сделано, сынок, — сказал про себя Чегодаев. — Постараемся.

Забрезжил рассвет. Послышалась негромкая команда. Лес наполнился шорохом. Наш батальон начал окружать деревню, занятую немцами.

Вскоре противник заметил наступающих и перешёл в контратаку. Бойцы залегли. В морозном воздухе гулко раздались выстрелы. Один фашист упал. За ним — второй, третий... Остальные, не отвечая на огонь наших бойцов, редкой цепью продолжали двигаться вперёд.

— Ага, психическая, — сказал Чегодаев, перезаряжая винтовку. И, облюбовав офицера, снова выстрелил.

— Ну, вот еще один отпсиховал, — заключил он, когда офицер упал.

Немцы открыли беспорядочный огонь из автоматов. Резкая боль обожгла левую руку Чегодаева. Он понял, что ранен, но с прежним спокойствием продолжал вести губительный огонь по фашистам. Каждая пуля шла точно в цель. Гитлеровцы тоже залегли.

— В атаку, за мной, вперёд! — раздался тогда голос командира.

Превозмогая боль, Чегодаев поднялся вместе со всеми. Воздух наполнился свистом пуль. Чегодаев вырвался вперёд и метнул гранату. Фрицы, яростно отстреливаясь, начали отходить. На их плечах наши бойцы ворвались в деревню.

Чегодаев из-за ранения не мог владеть винтовкой. Тогда он собрал у товарищей побольше гра-

нат и, перебегая от дома к дому, стал забрасывать ими немцев. И только после того как был уничтожен весь немецкий гарнизон, Чегодаев доложил командиру, что ранен.

В этом первом своём бою красноармеец Фёдор Чегодаев уничтожил 67 гитлеровцев.

В госпитале Чегодаев пролежал месяц. Затем вернулся в действующую армию, а через несколько дней, вооружённый снайперской винтовкой, отправился на «охоту».

Было весеннее время, но снег ещё лежал, пробираться было очень трудно. Чегодаев проваливался по пояс. Время от времени он взбирался на высокое дерево и наблюдал. Но вот лес кончился: впереди небольшой участок кустарника, за ним снежное поле в грязных пятнах весенних проталин, а дальше — передний край обороны противника.

«Однако фрицы здесь еще не пуганые», — подумал Чегодаев, присмотревшись. Немцы без всякой опаски разбирали из походной кухни еду.

Чегодаев, не спеша, выбрал позицию с хорошим обзором, сделал упор и, поставив прицельную рамку на 600 метров, открыл стрельбу.

После четырёх выстрелов на снегу осталось четыре тела.

Фашисты ответили ураганным огнём по опушке леса. Мины ложились совсем близко, но Чегодаев не двигался. Он знал, что противник внимательно наблюдает, и переменил позицию, только когда всё стихло.

Осторожно, почти ползком, один немец приблизился к убитым.

«Не буду этого трогать, — решил Чегодаев, — пусть их соберётся побольше».

Его ожидание оправдалось даже скорее, чем он предполагал. Через несколько минут к убитым направилось ещё пятеро. И снова четверо из них остались на снегу.

До самого вёчера противник вёл огонь по опушке леса, и лишь с наступлением сумерек Чегодаеву удалось отойти.

...На участке седьмой роты появился немецкий снайпер. Он был очень осторожен и хитёр. Выводя из строя наших бойцов, немец ничем себя не обнаруживал. Скоро стало почти невозможно выходить из блиндажей. Об этом узнал Чегодаев и пришел в седьмую роту.

— Ну, рассказывайте, что у вас тут за непорядки, — обратился он к бойцам.

— Непорядки, действительно, есть... Короче говоря, просим тебя, Федя, передать немецкому снайперу наш красноармейский «привет».

— Будет сделано, — по обыкновению ответил Чегодаев и прошёл в блиндаж командира роты.

— Товарищ лейтенант, завтра я уничтожу вражеского снайпера, — сказал он.

— Желаю успеха. Но помни, Чегодаев, ты имеешь дело с очень опытным и опасным противником.

Вдалеке — хорошо знакомый хвойный лес, неровный, чахлый кустарник, тянущийся от леса

к нашим позициям, ещё ближе — пашня с одиночным полуразвалившимся сараем и тишина, насто-роженная и тревожная.

Внезапно из-под крыши сарая один за другим прозвучали три выстрела. Через несколько секунд со стороны кустарника раздался ответный. Из сарая явственно донёся громкий протяжный стон. Затем всё опять стихло.

Притворно вскрикнув, Чегодаев спрыгнул на лежащую в углу сарая прошлогоднюю солому. Через небольшое окошечко, едва поднимавшееся над снегом, он стал наблюдать за местом, откуда стрелял немец. Не прошло и тридцати минут, как тот, решив, что русский снайпер убит, поднялся, намереваясь переместить позицию. Этого только и ждал Чегодаев. Фашист был убит наповал.

* * *

Через некоторое время на участке той же седьмой роты дал знать о себе другой немецкий снайпер. Чегодаев вызвался уничтожить и этого. На сей раз борьба оказалась более трудной. Немец не попадался ни на какие уловки и исчезал так же незаметно, как и появлялся. Пять дней охотился за ним Чегодаев безрезультатно. Наконец, он решил убить зверя в его логове. Ночью Чегодаев подобрался почти вплотную к переднему краю обороны противника. Здесь проходила дорога, миновать которую вражеский снайпер никак не мог. Тщательно замаскировавшись, Чегодаев стал терпеливо ждать.

С рассветом немец действительно появился на дороге. Но Чегодаев пропустил его.

«Зачем ненужный риск, — рассуждал он. — Этот фашист не уйдёт от меня и вечером, зато я наверняка уйду из-под огня противника».

Томительно медленно тянулись часы. От талого снега одежда и обувь промокли насквозь. Стало нестерпимо холодно. Руки и ноги коченели. Но нужно было лежать неподвижно: до противника не более ста метров. И Чегодаев лежал, не шелеясь.

Но вот солнце уже у горизонта.

— Еще немного, — ободрял себя Чегодаев, растирая снегом негнущиеся пальцы.

И когда сумерки начали скрадывать очертания окружающих предметов, из кустов показался фашистский солдат. Некоторое время немец нерешительно стоял на опушке, но убедившись, что ничего подозрительного нет, уверенно направился к дороге. На фоне вечерней зари он был отличной мишенью. Прогремел выстрел: взметнув руками, фашист рухнул на снег.

* * *

Однажды Чегодаев заметил грачиное гнездо, совершенно такое же, как и на соседней берёзе, только побольше.

— Трудлюбивая птица грач, — сказал Чегодаев. — Ещё вчера здесь было только одно гнездо, а сегодня уж два. Сдаётся мне, что кто-то помог птичке.

Тщательно прицелившись, он выстрелил, и с дерева, ломая ветки, грузно шлёпнулся на землю убитый немец.

За один год войны старший сержант Чегодаев истребил 240 гитлеровцев. Узнав, что ему присвоено звание Героя Советского Союза, он сказал:

— Я колхозник. Вся моя жизнь прошла в мирном труде. Но когда над страной нависла грозная опасность, я взял винтовку и теперь вижу только одну цель — беспощадно истреблять оккупантов.

В. Афанасьев, Г. Набатов

ФЕОДОСИЙ СМОЛЯЧКОВ

Шёл косой дождь. Резкий пронизывающий ветер гнал над необъятным полем холодные свинцовые тучи.

Боец Титов, находившийся в боевом охранении, заметил, что от командного пункта батальона к нему кто-то приближается. Сначала человек шёл в полный рост, затем слегка нагнувшись, потом совсем исчез в пожелтевшей траве. И вдруг совершенно неожиданно, как будто вынырнув из-под земли, он очутился рядом.

— Стой! Кто идет? — крикнул Титов, сжимая крепче винтовку. — Пропуск?

Боец спокойно назвал пропуск и спросил отзыв. Теперь Титов мог разглядеть его вблизи. Это был паренёк, юнец, невысокого роста, узкогрудый. На его безусом лице играла добродушная улыбка. Чёрные, слегка косящие глаза были устремлены в сторону врага. Струйки дождя стекали за ворот его шинели, но это его как будто нисколько не беспокоило.

— А немец-то всё гуляет? — спросил он Титова, по-дружески тепло, хотя и не был с ним знаком.

И, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Местечко у вас чудное. Тут, пожалуй, я и устроюсь. В немца стрелять буду...

Титов удивлённо взглянул на паренька и неторопливо, как будто продумывая каждое слово, ответил:

— Стрелять-то надо умеючи... Обнаглел немец. Видишь, как ходят — не пригибаются даже. А попробуй спясть — без толку патроны истрапишь. Далеко...

Паренёк улыбнулся, посмотрел на свою винтовку и сказал:

— Попробуем!

Побеседовав с командиром боевого охранения, он ещё раз внимательно осмотрелся кругом и с предосторожностями стал пробираться вперед, выбирая огневую позицию поближе к врагу.

Паренёк этот был Феодосий Смолячков. Он

недавно вступил добровольцем в Красную Армию и впервые вышел со снайперской винтовкой истреблять фашистских гадов.

Вот и облюбованное место. Молодой воин не спеша снял с оптического прицела чехол и стал наблюдать за тем, что делается в стане врага.

Уже начало темнеть, а гитлеровцев нет как нет: ни одного не увидел Смолячков в тот день. Его разобрала досада: ведь сколько раз просил пустить «поохотиться» за двуногим зверем, еле выпросил винтовку, а тут сразу и «осечка»...

Грустный вернулся Феодосий в тот день в землянку. Совестно было смотреть командиру в глаза. Ведь совсем недавно он ему признался, что мечтает о снайперской винтовке.

Ночью к Смолячкову пришёл комиссар. Взглянув на Феодосия, он сразу всё понял.

— Известно, с первого шага ничего не даётся. Главное — твёрдо держись своего. Выбрал цель — не отступай. Понял?

Наутро Смолячков был опять на огневом рубеже. Рядом расположился боец Шушкин.

Из-за угла полуразрушенного дома показалась группа фашистов. Было хорошо видно, как они идут по дороге.

— Немцы! Немцы! — зашептал наблюдатель. Но прильнувший к линзе прицела Смолячков заметил врага сам и уже целился в фашистского унтера.

Сухо и отрывисто прозвучал выстрел. Гитлеровец взмахнул руками и упал навзничь.

Остальные бандиты вмиг разбежались во все стороны.

— Фриц сыграл в ящик!.. — не удержавшись, крикнул сияющий Шушкин.

— Одна штука есть, — серьёзно ответил Смолячков и послал в ствол винтовки очередной патрон.

Ждать пришлось недолго. Вскоре показалась ещё одна группка немецких солдат.

Смолячков отчётливо видел их, одетых в мышиного цвета курточки, и уже намечал очередную «штуку».

Вновь прозвучал выстрел, и бандит свалился, как подкошенный. Метнувшегося к нему немецкого солдата Смолячков тоже снял.

Теперь на переднем крае фашистской обороны лежало три трупа. Ни один немецкий солдат не рисковал приблизиться к ним.

До войны Феодосий Смолячков пас колхозный скот. У него было большое стадо — 370 голов. Пуще глаза берёт Феодосий скот от хищного зверя. Выгонит, бывало, стадо, а овцы разбредутся. Вдруг начинает лаять собака. «Чует волков», — догадывался Смолячков и сразу же хватался за берданку. Меткими выстрелами он истребил немало хищников.

Когда наступала осень, Феодосий уходил с отцом на охоту. Заберёт, бывало, отец на несколько дней еды да всяких охотничьих припасов — и в лес. Места на родине Смоляčkова, в Белоруссии, лесистые и болотистые — для охотников

суший клад. С охоты Феодосий с отцом всегда возвращались с богатой добычей.

Так с малолетства и пристрастился Феодосий к ружью, к стрельбе.

Уже тогда у Феодосия хватало терпения часами выслеживать хищного зверя, бить его в голову. Уже тогда был меток его глаз и крепка его рука охотника.

Теперь он тоже возвращался с «охоты». Только зверь был другой — двуногий, а вместо охотничьего ружья — снайперская винтовка, надёжная боевая винтовка. И жил Феодосий Смолячков теперь новой, боевой жизнью, жизнью снайпера-истребителя.

За первые три дня своей новой жизни Смолячков «укротил» 14 фашистских зверей. Вступая в ряды ленинского комсомола, он обещал к 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции довести свой счёт мести до двух десятков. Молодой патриот с честью выполнил своё обязательство: 6 ноября на его счету было 23 уничтоженных гитлеровских разбойника.

Метче, чем у Смоляčkова,
Нет прицельного огня,
Бьёт фашистов он толково:
Двадцать три в четыре дня,—

писал красноармейский поэт.

В декабре ударили морозы. Выпавший снег покрыл поле белым пушистым ковром. Только глубокие воронки от разрывов снарядов чернели, как котлованы. Лужи затянуло ледяной коркой;

она хрупко трескалась под ногой, словно тонкое стекло. Морозы крепчали с каждым днём.

Смолячков, казалось, не замечал холодов. Затемно он протаптывал путь по снегу на огневую позицию. Багровое солнце, встававшее в морозном мареве, заставляло замаскировавшегося снайпера за работой.

Перед ним расстилались уже хорошо знакомые ему места. Вот направо тянется редкая роща. На деревьях лежит толстым слоем иней. Когда бьют наши орудия, он падает на землю.

Влево от рощи разбросаны снежные груды. Это — норы фашистских зверей. На рассвете над землянками будут куриться дымки. Тогда вылезут за дровами переязывшие «гансы» и «фрицы». Феодосий по очереди будет их истреблять.

Еще левее, в лощинке, тёмным пятном выделяется застрявший и брошенный немцами грузовик. Немцы отказались от попыток подобраться к нему: чья-то меткая пуля снимала каждого, пробравшегося сюда. Невидимый стрелок — тот же Смолячков.

Его лицо становится суровым, когда глядит он на свой левый фланг: с каждым днем остаётся всё меньше строений в селе. Фашисты ломают дома на топливо, на устройство землянок. Кирпичные трубы одиноко торчат на выжженных и вымерших улицах, как немые свидетели варварских разрушений.

Такие картины вызывали у Смоляčkова мучительные думы о родной семье. Последнее письмо

из дома было полно тревоги — приближались немцы.

Напрасно он надеялся, возвращаясь в землянку, найти конверт, на котором большими детскими каракулями написано братишкой: «В действующую армию». Писем не поступало. Он представлял себе страдания и муки родных, близких сердцу людей. Он хорошо знал, какие чудовищные зверства творят фашисты в захваченных советских городах и сёлах. Тут, вблизи от него, за цепью холмов, чуть в стороне от разрушенного железнодорожного моста, находится жуткое место. Феодосий слышал о нём от разведчиков, вернувшихся из вражеского тыла. Тесным кольцом окружили их бойцы, когда, греясь у печурки, они рассказывали о том, что видели в городе Пушкин.

Разведчики видели, как на Египетских воротах ветер раскачивал тела пяти повешенных юношей. Юноши эти были комсомольцами. У каждого хранилась такая же, как и у Феодосия, книжечка, на которой была надпись: «Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи».

В груди Смолячкова kloкотала ненависть к палачам.

Эта ненависть, жажда мщения оттачивали его мастерство, сообразительность и смётку.

Внимательно и терпеливо изучает Смолячков сектор обстрела. Его взгляд на мгновение задержался у поваленного столба со свисающими, как лопнувшие струны, проводами. Из немецкого

окопа вылез фашист. Пугливо озираясь по сторонам, он направился куда-то по заснеженной тропинке.

Смолячков прицелился и спустил курок. Пуля угодила гитлеровцу в ногу.

— Почему не в голову бьёшь? — спросил удивленный напарник.

— Так выгоднее, — ответил, хитро подмигнув, Смолячков.

Издали доносились крики раненого.

Из окопа выползли пять немцев и побежали по тропинке к раненому.

Феодосий прицелился и уложил последнего.

— Первого я всегда успею. Ему дальше всех бежать обратно, — объяснил Смолячков удивлённому напарнику.

Одного за другим уложил снайпер и остальных четырёх.

День был удачным. «Угробил 6 фашистов», — записал вечером в свою записную книжечку Феодосий. Его боевой счёт приближался к сотне.

Не было дня, чтобы Феодосий Смолячков возвращался с «охоты» без результатов. Томительное ожидание приносило свои плоды.

Люто возненавидели его фашисты.

Давно прошло время, когда немцы нагло ходили во весь рост. Тогда они были «непуганые», — как говорил Смолячков. Сейчас самые наглые из них не решались ходить пригнувшись. Окоченевшие, обовшивевшие фрицы и гансы ползали на брюхе даже перед своими землянками.

Но и это не всегда спасало. Смолячковская пуля пастигала их и здесь.

Фашисты пускались на все уловки, чтобы обнаружить и уничтожить славного снайпера. Как-то раз над вражеским окопом неожиданно появилась фигура немецкого солдата. Так и хотелось Феодосию разделаться с ним, но он сдержал себя. Движения немца показались ему подозрительными. Опытный глаз обнаружил обман — это было чучело. Тщетно ждали фашисты выстрела. В другой раз немцы решили захватить Смолякова живым. Сперва начали бить миномёты. Под прикрытием их огня немцы полезли прямо на окопавшегося Феодосия. Снайпер отложил в сторону винтовку и стал швырять в гитлеровцев гранаты. Он искусно владел и «карманной артиллерией». Когда уцелевшие немцы драпали к своим блиндажам, Смоляков посылал им вдогонку меткие пули и после каждого попадания говорил: «Еще одна штука» — и задорно, по-ребячьи, подергивал плечами.

...Артиллерийская подготовка началась с рассветом. Вместе с другими бойцами подразделения Феодосий следил за разрывами снарядов. Мёрзлая земля в стремительном вихре взлетала высоко кверху, а спустя несколько мгновений, грязня снег, оседала. Доносился гул взрывов. Они следовали один за другим.

Одетые в белые халаты, наши пехотинцы отправлялись выбивать фашистов из траншей.

— И для меня найдется работа, — решил Смо-

лячков. Короткими перебежками продвигался он на фланге подразделения.

Неожиданно открыл огонь фашистский автоматчик. Звук выпущенной очереди напоминал хриплый лай взбешенного пса. Фашисты стреляли разрывными пулями. Наступающие, миновав проволочные заграждения, залегли. Пулемётные очереди прижали к земле атакующие цепи. Лежавший рядом с Феодосием красноармеец вскрикнул. Струйка крови обагрила рукав его халата. Беспомощно повисла кисть раздроблённой руки.

Смолячков ползком двинулся в глубокий обход, отталкиваясь локтями и коленями. Достигнув удобного рубежа, отважный снайпер залёг. Он дышал тяжело — путь был не близкий. Не теряя ни одной секунды, Смолячков выстрелил в автоматчика.

— Это тебе за разрывные пули, гадина, — сказал Феодосий.

Когда бойцы шли в атаку, он выдвигался в сторону, ложился за какое-либо укрытие и стрелял. Цель выбирал разумно, бил прежде всего по офицерью. В бой фашистские офицеры ходили в солдатских шинелях, но Смолячков умел их узнавать.

Так проходили боевые дни Феодосия в начале января. На «охоту» ходил с ним молодой боец Алексей Зибров. Он тоже завёл записную книжечку.

«...Вышли из расположения части в 6 час. утра. Выдвинулись за боевое охранение и про-

волоку. Уничтожили 7 фашистов. Смолячков — 6, а я — 1».

«В 6 утра были на старом месте. Выдвинулись еще ближе к немецкому переднему краю. Уничтожили 5, Смолячков — 3, а я уже — 2».

«Землянку покинули в 6 утра. Целый день провели в сарае, откуда вели наблюдение. Били мины и орудия фашистов по нашему переднему краю. Смолячков — убил 6 фашистов. У меня — ничего».

«Плохая видимость. Не переставая, шёл снег. Я не убил ни одного».

«Вблизи нас, шагах в пяти, разорвалась мина. Мне выбило осколком два зуба. Смолячков, обеспокоенный, отослал меня, а сам остался на огневом рубеже. Он истребил 5 фашистов».

«Фашистский пулемёт строчил у сарая. Уничтожили 6 фашистов. Мороз был 36 градусов».

Так красноармеец первого года службы Феодосий Артемьевич Смолячков стал грозой фашистских разбойников.

Он был моложе всех своих товарищей, но это не мешало им признавать в нём своего учителя.

Смолячков учил бойцов дельным советом, но больше всего личным примером: наглядно показывал на огневом рубеже, как надо без промаха разить ненавистного врага.

Как правило, ученики Смоляčkова ведут стрельбу из траншей. У хорошо оборудованной бойницы они лежат часами, карауля немца, ни на секунду не отрывая глаз от вражеских блинда-

жей. «Снайпер обязан ценить секунды, ловить удачный миг». Это правило свято выполняют ученики Феодосия.

Их называют смолячковцами. И это звучит, как почётное звание, как награда за мастерство. Этим званием снайперы гордятся.

— Когда меня спрашивают: «Кто вас научил снайперскому делу», — рассказывает снайпер-орденоносец Алексей Зибров, — то я с чувством гордости отвечаю: «Герой Советского Союза Феодосий Смолячков».

И. Курчатов

РОЖДЕНИЕ ДРУЖБЫ

Холодный ноябрь. В маленькой деревеньке ребята пускали камешки по молодому льду, сковавшему небольшой пруд. На другом берегу пруда, у кромки льда, ребята устроили игрушечный дзот и теперь разбивали его. Грязная тряпка со свастикой, выведенной химическим карандашом, уже была сбита.

Немцы находились отсюда в пяти километрах, и всё в этой деревушке дышало войной. Дети с утра до вечера «воевали», в день разрушали по сотне «дзотов», ходили в «атаку», воображая

себя артиллеристами, конниками, пехотинцами. Только «немцами» никто не хотел быть.

Снайперы Голиченков и Гончаров вышли из деревни, миновали лес, низкорослый кустарник и оказались перед широкой ровной поляной.

— Поползли, — сказал Голиченков.

Немцы просматривали эту поляну, и любое неосторожное движение было бы роковым. Только добравшись до траншеи, откуда они вели охоту, бойцы вздохнули свободно.

У немцев иногда стучали пулемёты, вспыхивали ракеты, но людей видно не было. Фашист появился внезапно и не с той стороны, откуда его ожидали. Он вылез из-за куста и пошёл в глубь своей обороны. Голиченков немедленно вскинул винтовку.

— Тише, Петро, — проговорил Гончаров, — не торопись. У нас был один такой стрелок: одной пулей угодит мимо, а остальные уложит рядом с ней...

Но Голиченков спокойно, намётанным взглядом определил расстояние и быстро поставил прицел. Прогремел выстрел — и немец упал.

— Ну вот, видишь, а то мимо... Зачем же мимо: одного немца убить — десять настоящих людей спасти.

— А немец-то крепко лежит? — Гончаров усмехнулся. — Не рано ли считать убитым?

— Крепко. Лёг навечно.

Поочерёдно отдыхая, они провели всю ночь, утро. Но немцы больше не появлялись.

— Сбили мы, браток, спесь с этой сволочи, — сказал Голиченков. — Помнишь, первое время как они фасон задавали? Офицер идёт — блеску сколько! А сейчас? Офицера и не заметишь. В солдатскую шинель, мерзавец, спрятался. А солдаты на брюхе по траншеям ползают, головы не кажут.

— Покажи тебе, — улыбнулся Гончаров, — просверлишь!

Они направились в обратный путь: снайпер-наблюдатель и снайпер-истребитель. Вот уже неделю они ходили вместе. Так легче оборудовать огневую позицию, вести наблюдение, выискивать врага. Они стали искусными мастерами своего дела. Над огневой позицией трудились, как художники: в лесу снайперская точка принимала у них вид пня, в кустарнике — куста, в болоте — кочки.

* * *

Немец шёл по лесной просеке. Высокий, сутулый, обвязанный тёплым женским платком, он вызвал у красноармейца Ивана Вежливцева смешанное чувство ненависти и отвращения.

— Баба-яга какая-то, только в штанах. Воин!.. — Вежливцев выругался и сплюнул.

Фашист продолжал идти, не подозревая, что за ним пристально наблюдают два острых охотничьих глаза. Он запустил руки в карманы, остановился и начал приплясывать на месте.

— Холодно? — спросил Вежливцев так, как будто бы до немца было не 600 метров, а несколько шагов. — Сейчас помогу, согрею.

Он выстрелил. Немец на секунду замер на месте, потом бросился в кусты и исчез.

— Промазал! — с досадой проговорил Вежливцев. — Эх, горе-охотник! На всякого зверя ходил, любую птицу на лету сшибал, а здесь?! — он задумался: «Почему же так случилось: то ли винтовка подвела — пристреляна плохо (у него была новая винтовка), то ли сам виноват — погорячился?»

Вежливцева охватил азарт охотника. Яркий румянец покрыл чуть впалые щёки, он волновался, но руки крепко держали винтовку. Так он пролежал ещё два часа. Наконец, на просеке вновь появился немец. Он был далеко. Вежливцев с трудом разглядел его неуклюжую фигуру.

— Спокойствие, Иван Димитриевич, — сказал сам себе Вежливцев. Лёг поудобнее, приложился, взял немца на мушку и выстрелил. Фашист упал.

— Есть сорок первый, — удовлетворённо произнёс снайпер.

* * *

На дивизионный слёт истребителей Вежливцев пришёл с винтовкой и долго искал взглядом силача-богатыря, каким представлялся ему Голиченков. Он был разочарован, увидев двадцатилетнего щупленького паренька.

В перерыве они встретились.

— Мне говорили — вы настоящий охотник... — сказал Голиченков, протягивая руку, — с бородой и здоровенный. А вы не такой!

— То, что я охотник — верно, — улыбаясь, ответил Вежливцев, — а борода не обязательна. Да и тебя, друже, я не таким думал встретить.

Они сели рядом.

Друзья говорили о том, что с каждым днём охота становится всё трудней, что теперь нужна не только смелость и настойчивость, но и хитрость, смекалка. «Не обманешь — не убьёшь», — перестроил старую русскую поговорку Вежливцев.

— Не теряю надежды вместе с тобой поохотиться!

— Да, угостили бы тогда немчишек!

* * *

— Так говорите — по траншее в блиндаж? — Командир батареи недоверчиво посмотрел на Голиченкова.

— Да! Лежу, смотрю — ни души. Так и пролежал все утро. А потом что-то мелькнуло в траншее. А затем пар вырвался. Я смекнул: не иначе немцы проскочили и зашли в тёплый блиндаж.

— Возможно, — согласился командир батареи и развернул карту. Пётр с минуту водил пальцем по расчерченной карте лейтенанта, затем указал на одинокий кустик: «вот здесь».

— Проверим ваши данные, — сказал лейтенант.

Голиченков бегом проскочил траншею и снова очутился на своей снайперской точке. Сегодня он был один. Гончаров заболел.

Через несколько минут Пётр услышал далёкий выстрел, затем увидел взрыв в секторе своего наблюдения. Снаряд сделал перелёт и впился в мёрзлую землю. Крупные комья её поднялись над верхушками деревьев. Второй снаряд чуть отклонился вправо. Третий разорвался рядом с тем местом, где, по расчётам Голиченкова, был вражеский блиндаж.

Пётр не ошибся. Из блиндажа выскочило несколько гитлеровцев. Они скользнули по траншее, но разорвавшийся впереди снаряд заставил их повернуть обратно. Потом они стали по одному выползать из траншеи, пригибаясь, пытались улизнуть.

— А, голубчики, — со злобой проговорил Голиченков. Он выстрелил, и первый немец, взмахнув руками, ткнулся носом в снег, второй упал метрах в четырёх; третьего пуля настигла в конце траншеи; не ушел и четвёртый.

Командир батареи встретил Голиченкова радостно.

* * *

Вскоре Петру Ивановичу Голиченкову и Ивану Дмитриевичу Вежливцеву было присвоено звание Героев Советского Союза.

Пётр Голиченков крепко обнял Вежливцева и взволнованно сказал:

— Значит общий счёт, друг!

— До конца войны, до полного разгрома немцев! — ответил Вежливцев.

== ★ ==

И. Невский

ИЗ ДЕБРЕЙ АЛТАЯ

В темном, непроходимом лесу, где даже ветер не гуляет и вечно стоит тишина, встретились охотник и волк. Волк поджал хвост, лязгнул зубами и заскулил. Охотник вскинул «централку», прицелился зверю между глаз и выстрелил. Раненный насмерть зверь бешено прыгнул на охотника. Но охотник схватил его за горло, сжал, что было сил, и сразу почувствовал, что хищник слабеет. Затем охотник быстро снял с него шкуру и пошёл дальше — по тёмному и дремучему алтайскому лесу. Налившиеся кровью волчьи глаза и оскаленную пасть охотник запомнил на всю жизнь.

— И вы не испугались?

Старший сержант Алексей Кочегаров, не то-ропясь, закурил папиросу «вертисам» (есть такой сорт на фронте!), глубоко затянулся и сказал:

— Нечего греха таить — испугался. Мы оба одинаково чуяли: кому-то умирать надо. А помирать не хотелось. Я так рассуждал: «Выдержу несколько минут — нет волка, растеряюсь — пропал сам».

Кочегаров оглядел бойцов. Слушали его внимательно.

— Охотился я сызмальства,—продолжал он. — Всяко бывало. Но у нас на Алтае так говорят: «Кто метко стреляет, тот редко битым бывает». Когда мне было двенадцать лет, я убил первых двух волков.

В глазах рассказчика блеснул острый задорный огонек.

— Вообще на врага я злой человек. С детства это у меня. Отец мой был хорошим солдатом, в мировую войну немало поглушил немцев, а в гражданскую войну партизанил. Дядя партизанским отрядом командовал. Брата Пимена повесил Колчак.

Так Кочегаров подошёл к самому главному, из-за чего он и начал разговор.

— Охста на зверя была для меня вроде «академии». Каждому снайперу охотничьи повадки великую пользу принести могут. Вот ходил я два

дня назад на передний край и прямо скажу: немца куда проще бить, чем зверя.

После этого разговора в роте нашлось немало бойцов, изъявивших желание стать снайперами.

Алексей Кочегаров начинал обучение каждого будущего снайпера с «азов». Он детально расспрашивал его, где родился, охотился ли на зверя, ходил ли за грибами (если ходил, значит, должен понимать местность), стрелял ли в немца и не слишком ли волновался, нажимая спусковой крючок.

Если новичок отвечал всем его требованиям, Кочегаров предлагал ему разобрать и собрать винтовку. Боец принимался за дело, а Кочегаров стоял рядом и внимательно наблюдал. Когда боец ошибался, Кочегаров останавливал его и тут же показывал на ошибку.

Потом он вёл новичка на стрельбище и только после этого решал: можно ли взять его сразу на передовую или подзаняться с ним ещё несколько дней.

В первый раз он взял наиболее способных красноармейцев — Седашкина и Кустова, приказал им наблюдать и докладывать ему о каждом шорохе, о каждом замеченном новом предмете.

— Видели, как кошка за мышью наблюдает? Вот так и мы должны. Упала ветка с дерева — доложи, а сам в голове прикинь: почему? Может, на дереве «кукушка»? Слетела птичка с ветки — опять пораскинь мозгами: куда она то-

ропится, чего испугалась? Пошевелился куст — снова подумай: не немец ли маскируется за ним?

Первым подал голос Седашкин.

— Смотри, — обернулся он к Кустову, — земля сыплется, а людей не видно.

— Увидим, — прервал Кочегаров, — только себя не обнаруживай. Без приказа не стрелять.

Земля сыпалась не зря. Немцы задумали улучшить свой оборонительный рубеж и начали рыть траншеи. До них было не больше трехсот метров.

Трудно ждать, особенно если перед тобой враг. Кочегаров посмотрел на часы. Прошло всего сорок минут, но они показались доброй парой часов.

— Немцы — как заведённый механизм: ровно в два часа они пойдут на обед. Я их повадки знаю, — сказал Кочегаров.

И точно: в два часа гитлеровцы начали вылезать из траншеи. Они были в маскхалатах, и если бы друзья заранее их не обнаружили, то могли бы упустить. Хотя и с трудом, Кочегаров всё же сумел подсчитать: фашистов было восемь.

Три выстрела раздались одновременно, и три фрица остались лежать на снегу. Другие бросились бежать со всех ног. Снова прозвучало три выстрела. На снегу лежало уже шесть немцев. Седьмого Кочегаров подстрелил, когда тот пытался спрыгнуть обратно в траншею.

— Семь из восьми! — с удовлетворением сказал Кочегаров. — Как на волчьей «свадьбе». Бывало, сразу полдюжины хлопнешь!

Кочегаров каждую неделю выпускал всё новых и новых снайперов. Всего два-три раза ходил он с новичком на передний край, затем новичок уже переставал быть новичком, а становился хозяином положения, изобретал, выскивал и неизменно увеличивал свой счёт. А у Кочегарова были уже новые ученики.

* * *

После того как Седашкин был обучен, Кочегаров стал ходить на охоту с Токаревым.

— Если немец сшиб нашего снайпера, — учил он Токарева, — плох наш снайпер. Нужно опередить немца, «раскусить» его план и обязательно перехитрить!

Стоял сильный мороз, такой, что даже земля трескалась. Друзья пролежали много времени. Токарев замёрз и начал вертеться. Капошон у него откинулся, и в ту же секунду что-то ударило ему в каску.

— Меня заметили, — заволновался он.

— Зарывайся в снег, а каску на палку, — крикнул Кочегаров, — сделай вид, что передвигаешься.

Кочегаров в перископ обнаружил фашистского снайпера и наблюдателя. Они хоронились за грядкой снега. Уверенный в том, что советский

снайпер удирает, фашистский автоматчик на мгновение высунулся и дал по каске очередь. Но и сам тут же упал: пуля Кочегарова сразила его. Наблюдателю досталась вторая.

Почётной и рискованной профессией снайпера в роте увлеклись. Кочегаров не успевал записывать желающих. Очередной выпуск его школы был массовым — сразу двенадцать снайперов.

Все вместе они отправились на передний край. Дело было в мае. В ветвях щебетали птицы; бархатная зелёная трава пскрывала землю. Кочегаров полз впереди, и ему казалось, что ползёт он по земле Алтая.

Когда группа выдвигалась на небольшой мысок, в кустах подозрительно зашуршало. Кочегаров шопотом передал команду: три человека впереди, пять слева и четыре справа.

Тут ночную тишину разорвали длинные очереди автоматов. Какие-нибудь полтора десятка автоматчиков подняли такой треск, что неопытный и необстрелянный человек мог принять их за целую роту, а то и батальон.

Всё ближе подходили немцы. Наши бойцы уже видели их. Кочегаров невольно вспомнил тёмный непрсходимый лес, в котором когда-то с глазу на глаз встречался с волком. Он почувствовал, как закипает в нем знакомая охотничья страсть.

— На испуг берут, — сказал он бойцам. — Ждать команды! Не стрелять!

Когда немцы были уже в двадцати метрах, Кочегаров остроржно свистнул. Тринадцать винтовок дали дружный залп.

Восемь вражеских автоматчиков остались лежать в высокой зелёной траве. Остальные отхлынули назад, продолжая оглашать ночной лес бессмысленным треском своих автоматов.

— Экзамен выдержали! — сказал Кочегаров, вернувшись в землянку со своими бойцами. — Всем ставлю «хорошо». Молодцы!

Скоро в роте, где служил Кочегаров, не осталось ни одного бойца, который не открыл бы счёт священной мести. Красноармейцы с гордостью говорили: — Мы — ученики Алексея Кочегарова.

Б. Лавренёв

ЛЮДМИЛА ПАВЛИЧЕНКО

Детство Люды Павличенко прошло на Украине. Было оно непоседливым, кочевым. Отец, районный работник, переезжал с места на место, туда, где требовались его опыт и знания. Мать учительствовала. Когда отец снимался с места, семья двигалась за ним.

Дольше обычного задержались в Белой Церкви. Маленький сонный городок был напоён за-

пахом тополевой листвы и романтическими воспоминаниями о бурном прошлом Украины. Здесь шумела когда-то слава украинского казачества, пронеслись, сверкая клинками, конные регименты, и перед полками выезжал на бешеном аргамаке гетман Всея Украины Богдан Хмельницкий.

Белые домики тонут в зелени. Золотые лики подсолнухов заглядывают через плетни. Сад пронизан солнечным светом. На плетнях орут бесшабашные воробьи.

Здесь в густой траве кралась худенькая смуглая девочка. Она зажимала в руках рогатку. Рогатка — забава и оружие мальчишек. Но девочка предпочитала рогатку куклам. Она целилась и метала камушки в воробьёв. Иногда ей удавалось свалить с плетня какого-нибудь серого ротозея. Тогда глаза у неё горели радостью охотничьей удачи. У неё был точный и меткий глаз.

Она любила драться с мальчишками. Она не терпела их за поддразнивания, за презрительность к «девчонке». Мальчишки больно лупили под бока, таскали за волосы. Она отступала, но отступала не побеждённой. Наученная опытом, она норовила подстеречь противника в одиночку. Вихрем налетала из засады, молотила ошеломлённого противника кулачонками и, победив, скрывалась от погони в густых зарослях сада.

В школе Люда пристрастилась к чтению. Читала без разбора и до изнеможения. Больше все-

го любила книги о путешествиях и приключениях, книги о людях с большими и пылкими сердцами, с кремнёвыми характерами, о людях, прокладывавших дорогу другим.

Вторым её увлечением был спорт. Стрельба захватила её, как захватывало всё, что нравилось. Она с первых же выстрелов в тире показала отличные результаты. Меткость и точность глаза сохранились с детства. Может быть, в ней воскресли воспоминания детства, сад, рогатка, воробы. Кроме того, её подгоняло неугомонное самолюбие. Всякое дело, за которое она бралась, она должна была делать лучше всех.

Пришло время выбирать жизненную дорогу — она пошла работать на завод, потом поступила на исторический факультет. История всё больше увлекала её, особенно славная и бурная история родной Украины. И когда, кончая университет, она должна была писать дипломную работу для аспирантуры, она взяла темой для неё жизнь гетмана Богдана Хмельницкого. Почему именно она выбрала Богдана? Яркая личность — дипломат, политик, воин, человек неукротимого характера и несравненной храбрости — Богдан привлёк её романтическое воображение. Она засела за работу с увлечением. Проглатывала тома книг и рукописей.

Ей не удалось кончить работу. Ночью, когда, устав от чтения, она подошла к раскрытому окну и смотрела на пушистые украинские звёзды, этой ночью уже шумели металлическими кры-

лами чёрные вороны Гитлера. Из звёздного купола на её любимый Киев обрушились гром и пламя.

Утром она увидела расколотые бомбами дома, кровь на тротуарах и стенах, трупы детей. По улицам шли красноармейцы на запад. На их запылённые и строгие лица ложилась железная тень от касок. В знакомом пейзаже города она увидела выражение гнева и горечи. И она поняла, что этот город и вся встающая за ним родина для неё дороже всего в жизни и что сама жизнь без них не имеет оправдания. В ней созрело решение.

На следующий день она пошла просить о назначении в армию. Это далось нелегко, но она настояла на своём, и через неделю на передовой линии под Одессой появился боец 25-й Чапаевской дивизии Людмила Павличенко.

С этого дня она вступила в свою славную боевую жизнь. Скоро она открыла в бою тот счёт уничтоженным врагам, цифра которого выростала с каждым её выстрелом.

Она яростно ненавидела чужаков, которые вторглись в её родную древнюю землю, топтали её подкованными сапожищами, калечили и насиловали. Она убивала их с ясным сознанием необходимости убить во имя родины.

Она писала в письме матери: «Кое-что мне пришлось видеть. От их зверств во мне закипает злость, а злость на войне — хорошая вещь, она сестра ненависти и святой мести».

Девушка привыкла после боя спать на голой земле, накрываясь шинелью.

Теперь она всё время находилась на переднем крае и даже впереди его, в снайперских ячейках, открытых в скалистой почве. В любую погоду она лежала там, подстерегая врагов. Она выбивала гитлеровских гиен неторопливо и хладнокровно. Десятки неприятельских разведчиков, наблюдателей, офицеров были уложены ею навсегда на сева­стопольских подступах с пулей в глазу или между глаз. Она без сожаления гасила навсегда волчий огонь в завиду­щих грабительских гляделках.

О работе снайпера Павличенко уже ходили в Севастополе легенды. Многие не верили, что это — девушка. Фамилия могла быть одинаково и мужской. Однажды на передний край пришёл широкоплечий, гигантского роста старшина из бригады торпедных катеров. Он потребовал, чтобы ему показали Людмилу. Долго смотрел на неё издали, подойти от стеснительности не решился и, мотнув чубиком, сказал с восхищением:

— От же ж, господи боже, диво! З виду штрикоза, а на деле — тигра.

Уже на гимнастёрке Людмилы блестела боевая медаль. Она стала сержантом, потом старшим сержантом и инструктором снайперской команды. Она сама отбирала людей в свою команду, при­сматриваясь к ним, оценивая их качества. Не поддававшаяся в детстве педагогическому воз-

действию, она стала тут терпеливым и умелым воспитателем. Иногда ей присылали людей со стороны таких, каких она сама, пожалуй, и не взяла бы, — упрямых, недисциплинированных.

Как-то к ней пришли два бесшабашных дружка — Киселёв и Михайлов. Увидев, что за птица этот «старший сержант», оба дружка повели себя нахально, всем видом своим показывая, что не станут подчиняться «бабе». После безуспешных попыток справиться с ними по-хорошему Людмила так разделала их по-командирски, что дружки сразу притихли и поняли, что шутки плохи. Через неделю они стали преданными друзьями и спутниками Людмилы, готовыми отдать жизнь за своего сержанта, и однажды, рискуя жизнью, самоотверженно выручили своего командира из почти безвыходного положения.

Не только свои, но и немцы уже знали этого страшного для них снайпера. С немецкой тупостью они старались сначала завлечь Людмилу к себе нелепыми посулами, а когда убедились в безрезультатности идиотских зазываний, — озверели и, крича гнусные ругательства, грозились «повесить сволошь за ноги». Людмила усмехалась недоброй, кривой усмешкой и пробивала пулями чугунные черепа.

Она стала опытным бойцом. Её не обманывали уже никакие немецкие хитрости. Она терпеливо выжидала, когда высунет голову из укрытия жи-

вой немец. И тогда он немедленно становился мёртвым. А она считала:

— Двести семьдесят третий! Будет больше!

Счёт нарастал. И опять Людмила писала матери: «...обмениваюсь с фрицами «любезностями» путем оптического прицела и единичных выстрелов. Нужно тебе сказать, что это самое верное и правильное отношение к немцам. Если их сразу не убьёшь, то потом беды не оберёшься».

И она была верна своему правилу. Она била их сразу, наповал, как бешеных собак. Била без отдыха, днём и ночью.

Последнее своё боевое дело в Севастополе она провела вместе со своим старым другом снайпером Леонидом Киценко. Вдвоём, за какой-нибудь час, они методично и спокойно выбили больше десятка офицеров и солдат на немецком командном пункте. Ни одна их пуля не пропала впустую.

Личный счёт старшего сержанта Людмилы Павличенко дошёл до цифры 309.

Ей не удалось округлить его до трехсот десяти. Осколок мины вывел снайпера из строя, и командование приказало эвакуировать Павличенко.

К боевой медали над карманом её гимнастерки прибавился орден Ленина. На петлицах появился вместо трёх треугольников квадратик.

— Я всем обязана родине. Кто угрожает родине, — угрожает мне. А кто угрожает мне, на того у меня есть пуля.

И её горячие молодые глаза глубоко уходят под брови и загораются угрюмым огнём. В ней горит неукротимое сердце бойца, воспитанного родиной, родной властью, ленинским комсомолом, сердце, полное энергии и страстности и готовое всю кровь до последней капли отдать за честь и свободу советской земли.

К. Овчаров

ГОРЯЧИЕ ДЕНЁЧКИ

Сержанта Пикалова вызвал командир роты Смеюха. Пикалов торопился, но всё же опытный глаз его не мог не заметить оживления у переднего края. Справа, у молодой рощицы, скрытно располагались миномётчики. Прошла группа бойцов с тремя станковыми пулемётами. Через несколько минут навстречу попались автоматчики. Где-то вддали чуть слышно стрекотали тракторы. «Что-то будет, не зря всё это делается», — подумал Пикалов и ускорил шаг.

Командир роты коротко сказал ему:

— Завтра начинаются горячие денёчки. Будете находиться при мне.

— Есть находиться при вас, — козырнул Пикалов.

— А пока — спать!

Бой начался с рассветом. Ухнули пушки, откликнулись миномёты, а затем всё слилось в сплошной гул.

Рота получила приказ оседлать дорогу и сейчас торопилась к концу артиллерийской подготовки форсировать болото. Холодная вода достигала до пояса, неудачники иногда проваливались по горло, но продвижение шло своим чередом. Бойцы несли оружие высоко над головой, оберегая его от воды и грязи.

Немцы встретили роту шквальным пулемётным огнём, и бойцы залегли у подножия высотки, прямо в непролазной грязи.

Смеюха подозвал Пикалова.

— Густой куст можжевельника у развилки дорог видите?

Пикалов утвердительно кивнул головой.

— Слышите, как хлещет оттуда гад? Это пулемётчик. Незаметно подберитесь и снимите!

— Есть снять!

— Будьте осторожнее! Зря под пули не саваться!

Пикалов от воронки к воронке, от куста к кусту, петляя и маскируясь, пополз к цели.

Смеюха любил Пикалова. Этот весёлый и крепкий парень первый в подразделении открыл счёт и за короткий срок истребил двадцать немцев. Когда Смеюха говорил с ним, его всегда поражало, как много Пикалов успел изучить в слож-

ном и трудном деле войны. Он мог бы, например, провести целый цикл лекций на тему: бей немца и будь жив сам. Он знал все повадки врага и даже на большом расстоянии никогда не принял бы немецкого солдата за офицера или наоборот.

Смеюха был твёрдо уверен, что Пикалов его не подведёт.

Пикалов продолжал ползти. То, что на прямую можно было преодолеть за полторы минуты, сейчас потребовало десяти. Кудрявая ветка можжевельника, которую Пикалов иногда выставлял впереди себя, вполне могла сойти за небольшой куст.

Когда до немецкого пулемёта оставалось метров сто, Пикалов залёг в глубокую воронку. В оптический прицел он увидел, что немецкие пулемётчики спешно меняют ленту.

Тут дерзкая мысль пришла ему в голову...

Он выждал, когда фашисты заложили ленту. Вот первый номер прилёг у пулемёта, но не успел нажать на гашетку, — так точен был неожиданно полученный им смертельный удар. Второй пулемётчик, видимо, обезумев от страха, вскочил на ноги и опрометью бросился бежать в сторону. Пикалов угодил ему в затылок.

Затем Пикалов оказался у пулемёта. Но «машинка» была незнакомой марки. «Будь, что будет», — решил он, и пулемёт на девяносто градусов изменил направление. В эту секунду откуда-то слева дал короткую очередь ручной

пулемётчик. Пули впились в землю впереди Пикалова.

До пулемётчика было около сотни метров. Не решаясь еще дать из своего трофейного пулемёта настоящую очередь, Пикалов пальнул в землю. Получилось. А следующая очередь пригвоздила фашистского пулемётчика к земле. Справа открыл огонь второй пулемётчик, но и с ним Пикалов расправился так же быстро.

Когда рота с криками «ура» бросилась в атаку, Пикалов дал длинную очередь по отступающим немцам.

Смеюха встретил Пикалова, как героя.

— Благодарю, — говорил он, волнуясь. — И не только от меня, от всей роты — спасибо.

Встреча происходила за дорогой, на отвоёванной у врага земле.

В ходе боя Пикалов не разлучался с командиром роты. Вместе ползли они по изрытой минами и снарядами земле, вместе хоронились в воронках, ожидая, когда стихнет огневой налёт. Иногда Смеюха осторожно брал Пикалова за плечо и показывал ему:

— Видите «вальтер» сбоку, значит, офицер. Снять!

Пикалов скидывал винтовку, и немецкий офицер падал, так и не разобравшись, в чём дело! Без офицера немцы не шли в бой, создавалась паника, а Смеюха этого и добивался. Пользуясь замешательством врага, он неуклонно вёл свою роту вперед.

Несколько раз фашистские разрывные пули лопались где-то совсем рядом. «Узнаю вас, господа, по почерку», — шутил Пикалов. Он залезал в воронку и пережидал. Смеюха поднимал каску, немец бил по ней, а Пикалов по звуку выстрела искал фашистскую «кукушку», находил и снимал ее первой же пулей. «Эта песенку спела» — улыбался он вместе со своим командиром и полз дальше. Снимал он и связных, и наблюдателей, и автоматчиков, и миномётчиков.

* * *

Наградили Пикалова вскоре после этих горячих боевых дней. У приземистой, чуть приметной землянки собрались боевые друзья. Пикалову захотелось сказать им несколько слов.

— Наступление — раздолье для снайпера, — говорил он. — Тогда немцы сами под пули лезут, искать их не надо. Два дня повоевал, и счёт сразу на шестьдесят увеличился, да ещё каких — офицеры, автоматчики, пулемётчики, связные! В обороне такого «гуся» другой раз месяц караулишь. Хорошие дни мы, товарищи, переживаем. И, главное, знаете, что радостно: идёшь вперёд, немца-сукина сына бьёшь и думаешь: ага, ухлопал ещё одного гада, значит победа ближе... А бить немца мы будем, что

есть силы в руках наших, бить, пока не настанет долгожданный день победы.

Он замолк; долго молчали и бойцы. Им представился в эту минуту такой день — счастливый, мирный, обязательно солнечный, со щебетанием птиц.

Они воевали за этот день.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Савва Головановский. Презрение</i>	3
<i>И. Курчатов. Неутомимый охотник</i>	11
<i>Н. Харин. Несколько случаев из боевой жизни Чегодаева</i>	19
<i>В. Афанасьев, Г. Набатов. Феодосий Смолячков . .</i>	25
<i>И. Курчатов. Рождение дружбы</i>	36
<i>И. Невский. Из дебрей Алтая</i>	44
<i>Б. Лавренёв. Людмила Павличенко</i>	50
<i>К. Овчаров. Горячие денёчки</i>	57

Редактор *Е. Н. Герасимов*

Г110116	Подписано к печати 5.2.43 г.	Объем 2 п. л.
В 1 п. л. 44.660 тип. зн.		Заказ № 1087.

Набрано в 1-й тип. Воскресенска НКО имени С. К. Тимошенко.
Отпечатано в 1-й Образцовой тип. треста «Полиграфкинг».